

ситься с утверждением о таком ареале катангского типа. К сожалению, автор внес в оценку имеющихся данных значительную долю субъективизма, что лишает его систему аргументации необходимой убедительности.

Не имея возможности в данной рецензии подробно разбирать все спорные утверждения автора, укажу лишь некоторые моменты. Например, для обоснования близости к типу западных эвенков некоторых восточных групп привлекается только часть признаков, а не весь комплекс, который не позволил бы настаивать на единстве типа, скажем, нижнетунгусских и северопривбайкальских эвенков, ибо важнейшие классифицирующие признаки — пигментации волос и глаз, высота переносья — разительно отличают эти группы. Далее, автор пишет об изоляции северобайкальских эвенков от баунтовских, между тем как (по признанию самого автора) и территориально и по родовому составу это наиболее близкие группы, не говоря уже о типе хозяйства — таежного оленеводства и охоты, при котором расстояние в две — три сотни километров никак не может быть непреодолимой границей. Следует отметить чрезвычайную нечеткость предложенной схемы «распадения» байкальского антропологического типа (который автор предпочитает называть расой, что само по себе нуждается в таксономическом обосновании) на варианты. При этом оказывается, что эвенкам северного Прибайкалья, физические особенности которых и послужили основой для выделения байкальского антропологического типа, этот тип не свойствен (стр. 255). Представляется совершенно неудачным название «юкагирский антропологический тип», которым автор без должных оснований заменяет термин «байкальский антропологический тип», привнося, кроме того, в его характеристику особенности антропологического типа эвенов Камчатской области. Антропологически юкагиры известны в крайне общих чертах, и категорическое обозначение какого-либо уже известного комплекса «юкагирским» представляется преждевременным.

Работа В. В. Бунака посвящена изучению закономерностей изменчивости признаков в метисных популяциях на материале русско-бурятской метисной группы из Забайкалья. Сопоставляются параметры изменчивости в данной группе с таковыми в исходных группах, за которые приняты одна из соседних бурятских групп и обобщенная группа русского населения европейской части СССР. В отличие от известных в литературе исследований метисных популяций В. В. Бунак стремится учитывать степень родства в данной группе. В работе анализируются кривые распределения признаков, величины и характер корреляций между ними, сопоставляются «стандарты изменчивости» — показатели, введенные автором для сравнительной оценки вариабильности признаков в исходных и метисированных группах. Автор указывает на необходимость дальнейшего широкого проведения исследований в смешанных группах для выяснения закономерностей наследования и распределения расовых признаков в популяции.

С указанной выше работой В. В. Бунака тесно связана статья Г. М. Давыдовой, посвященная анализу антропологических особенностей группы русских — потомков старообрядцев в Забайкалье.

«Семейские» русские могут рассматриваться как достаточно изолированная группа, представляющая некоторый материал для анализа характера распределения признаков. В обеих указанных работах широко привлекаются различные статистические показатели достоверности различий и общего характера распределения. Представляется несомненным, что этот начальный опыт подхода к изучению популяции с точки зрения степени родственных связей в ней для более глубокого анализа изменчивости и характера наследования расовых признаков должен быть всемерно поддержан.

Таким образом, предшествующий обзор показывает, что советская антропологическая литература пополнилась двумя ценными книгами, посвященными, правда, лишь проблемам этнической антропологии. Представляется крайне желательным, чтобы последующие сборники антропологических работ содержали исследования и по другим разделам антропологии.

И. Золотарева

Русский фольклор Великой Отечественной войны. Ответственный редактор В. Е. Гусев. М.—Л., 1964, 478 стр.

Монография «Русский фольклор Великой Отечественной войны», выпущенная Институтом русской литературы АН СССР, является первым обобщающим трудом по народному поэтическому творчеству военных лет. В ней представлены все жанры фольклора, тогда как предшествующие исследования касались главным образом песенного творчества. Почти не изученными до последнего времени оставались повествовательные жанры и малые фольклорные формы. Авторским коллективом проделана огромная работа, к исследованию привлечены обширные архивные источники.

Впервые столь полно представлена историография фольклора военных лет (гл. I, автор А. Д. Соимонов). Обобщен очень большой материал, освещающий историю собирания и изучения фольклора Великой Отечественной войны в 1941—1945 гг. и в послевоенное время. Охарактеризована деятельность не только центральных, но и периферийных фольклористических организаций, подчеркнута их связь с широкой общественностью. Учтена собирательская работа фольклористов-фронтовиков; освещена работа первых совещаний по фольклору Великой Отечественной войны и всесоюзных смотров художественной самодеятельности; дана общая характеристика газетных и журнальных публикаций; сделан обзор первых научных публикаций и массовой фольклорной и полужурналистической литературы военных лет. Освещена также широко развернувшаяся в послевоенное время исследовательская и экспедиционная работа и дан обзор вышедших в послевоенные годы публикаций (текстов, исследовательских статей, мемуаров). Все эти материалы и легли в основу проведенных авторским коллективом исследований.

Большим достоинством книги является разработка проблемы судеб фольклорного наследия в годы Великой Отечественной войны (гл. II, авторы А. М. Астахова, Н. В. Новиков). В столь широком объеме, с охватом всех традиционных жанров, эта проблема по существу ставится впервые. Авторам пришлось проделать большую и кропотливую работу по выявлению материала из самых разнообразных источников, часто по отдельным беглым замечаниям собирателей, их комментариям к текстам, свидетельствам участников Отечественной войны и т. д. В результате получилась весьма убедительная картина той активной роли, которую играл традиционный фольклор, его огромного общественного значения, его живого звучания в дни войны. Особенно хорошо это сделано в отношении песен и сказок. Интересны, в частности, авторские обобщения по традиционному фольклору тыла, формированию его репертуара, внутренним изменениям текстов, переосмыслению традиционных сюжетов и т. д.

Касаясь вопроса об индивидуальном творчестве мастеров фольклора и их патриотической деятельности в дни войны (гл. III), автор А. М. Астахова¹ в основном правильно освещает характерные тенденции в развитии сказительского творчества, что проливает свет и на его дальнейшие судьбы. На общем фоне живого массового поэтического творчества военных лет стало особенно очевидным, что не в творчестве сказителей лежит магистральная линия развития фольклора советской эпохи. Обращение сказителей и сказочников в дни войны к старым, отживающим формам фольклора (что было особенно характерным для создателей так называемых советских былин и волшебного-героического сказок) неизбежно вело к нехудожественным стилизациям, к разрыву формы и содержания и ясно показало, что этот вид новотворчества изжил себя. Но характерно, что и более удачные в художественном отношении произведения лирического жанра (стихотворно-лирические сказы А. И. Гладкобородовой, А. Е. Суховерховой и некоторых других) не были усвоены народом, не вошли в его массовый репертуар. И это не случайно. Как правильно отмечает В. Е. Гусев (стр. 294), для того чтобы произведение индивидуального автора стало фактом собственно народного коллективного творчества, необходимо одно условие—соответствие художественному мышлению масс современной эпохи. Практика же сказителей шла вразрез с этой закономерной тенденцией, подменяя творческое развитие и преобразование традиций коллективного творчества их стилизацией или консервацией, что приводило, как указывалось, к разрыву формы и содержания. Большой заслугой авторов является то, что они не ограничиваются одним лишь рассмотрением идейного содержания фольклора военных лет, его соотношения с исторической действительностью, но и делают попытку анализа художественной формы.

С этой точки зрения внимания заслуживает раздел, посвященный массовому песенному творчеству (гл. IV, авторы С. И. Минц, О. Н. Гречина, Б. М. Добровольский). Интересна попытка жанровой классификации песен, определяемой их художественной спецификой, функцией, характером исполнения, мелодией. Это — маршевые гимнические песни воинских частей и партизанских отрядов, лиро-эпические песни о героях и их подвигах, лирические и, наконец, сатирические песни. Хорошо проанализированы фронтонная маршевая песня с ее разновидностями. Менее удачен раздел о партизанской походной песне. Недостаточно раскрыты ее источники, не приведены характерные образцы. По небольшим отрывкам (иногда двум строкам) не всегда можно судить, что эти песни именно маршевого типа (стр. 117, 118).

Хотелось бы и более развернутой характеристики музыкального фольклора военных лет, тем более, что до сих пор он не был предметом специальных исследований. Общие суждения по этому вопросу интересны и верны, но весь раздел как-то непропорционально мал по отношению к главе в целом и ко всей монографии (стр. 144—147). Не освещен вопрос о музыкальной фольклоризации военных песен, особенно после того, как многие из них осели в народной среде. А материалы для этого имеются. Укажу в частности, что в 1947—1948 гг. мне неоднократно приходилось наблюдать в казачьих станицах (Подтселковский и Ново-Аненский районы б. Сталинградской области), как некоторые военные

¹ В главе III раздел сказки написан Н. В. Новиковым.

песни исполнялись колхозниками в характерном для этих мест казачьем распеве, т. е. многоголосно, с дишканством².

Специальная глава посвящена частушке (гл. V, автор З. И. Власова). В целом характеристика частушечного жанра в годы войны — его тематика, художественные особенности, источники — представлена верно. Основываясь на предшествующих исследованиях, автор правильно выделяет в качестве своеобразного по своим художественным особенностям жанра литературную частушку, создателями которой являлись как поэты профессиональные и вышедшие из народной среды (например, известная пензенская частушечница А. П. Анисимова), так и самодеятельные авторы (большой частью работники фронтовых редакций, газет и т. п.). Автор отмечает проникновение литературной частушки в фронтовую художественную самодеятельность, а некоторых наиболее удачных частушек — в массовый репертуар народа; однако в целом роль литературной частушки в фронтовой художественной самодеятельности недостаточно подчеркнута. По существу же литературная частушка, как мне кажется, составляла в ней главный пласт, оказывая большое воздействие и на самостоятельное творчество бойцов. Что касается лирической частушки (почти всегда народной по своему типу), то, на мой взгляд, она была мало распространена в фронтовой среде, где тяга бойцов к лирике удовлетворялась главным образом песней³. Следует сказать, что фронтовая частушка вообще слабо охарактеризована в данной главе, — ей уделено всего две страницы (175, 176).

Большой и интересный материал обобщен в главе об устных рассказах (гл. VI, автор Л. В. Домановский). Мне представляется лишь, что недостаточно четко выявлена художественная специфика отдельных разновидностей устного рассказа, в силу чего неясным остается и вопрос об их фольклорной природе. Это особенно ярко выступает, когда автор касается рассказов мемуарного типа, распространенных в фронтовой среде. Автор не выделяет их в особую группу, а рассматривает в общем потоке фронтовых рассказов, характеризуемых суммарно лишь со стороны их общего идейного содержания. Приводимые же им отдельные образцы устного сказа отнюдь не характеризуют эту разновидность устной прозы, а относятся к иному типу повествования. Это большей частью рассказы острого сюжета о героическом подвиге, о каком-нибудь событии (о связисте Устюшине, стр. 199, о подвиге сержанта Павлова, стр. 200, 201), или рассказы типа бытового анекдота («Фрицева каша», «О поваре» и др.), фольклорность которых не подлежит сомнению. Однако наблюдения, касающиеся их художественной природы и массовости распространения, отнюдь не могут быть перенесены на рассказы мемуарного типа. Многочисленные наблюдения показывают, что, как правило, рассказы типа воспоминаний не отрываются от рассказчика. Это не исключает, конечно, того, что иногда какой-нибудь отдельный эпизод из воспоминаний, поразив воображение слушателей, начинает передаваться из уст в уста и, трансформируясь, превращается в героическую или бытовую новеллу, анекдот и т. д. Вот почему запись устных мемуаров представляет интерес и помимо их исторического значения; в некоторых случаях — и это правильно отмечает автор — они проливают свет на процессы фольклоризации устного рассказа, но сами по себе вряд ли могут быть квалифицированы как явления художественного творчества фольклорного типа.

Автор не всегда критичен и в отборе материала. Так, неуместно, на мой взгляд, включение в книгу легенды о Чапаеве (стр. 204, 205). Она не имеет никакого отношения к фронтовому фольклору (была записана в 1947 г. в г. Гурьеве со слов ее автора — местного сказочника), а вместе с тем автор высказывает ответственное положение, что аналогичные легенды и рассказы возникали во время войны и в других городах-героях. Если такие легенды были, так именно их и надо было привести и проанализировать.

Очень интересен и по материалу и по его интерпретации раздел партизанских рассказов. Это в полном смысле слова творимая легенда, передающаяся из уст в уста, прикрепляющаяся то к одному, то к другому герою; многие из этих рассказов могут быть отнесены к числу «бродячих сюжетов». Таковы рассказы о переодевании героя-партизана с целью разведки, о разбрасывании им подметных писем, о выходе из окружения «свадьбой» и т. д. Многие связаны с именем С. А. Ковпака, вокруг которого сложился целый цикл легенд (стр. 218—228).

Несомненный интерес представляет раздел, посвященный малым фольклорным жанрам, до сего времени остававшимся мало изученным (гл. VII, автор Л. В. Домановский). Касаясь пословиц и поговорок, автор дает краткий обзор источников; в целом ему удалось в огромном потоке слабо документированного материала выявить наиболее живые пословицы, поговорки, речения и т. д. Это тем более важно, что в дни войны пословицы и поговорки как старые, так и вновь сочиненные, специальными подборками публиковались на страницах фронтовой печати, на плакатах Окна ТАСС и т. д. Это бесспорно популяризовало их, но что из всего этого вошло в речевой обиход и несло таким образом

² Материалы Сталинградской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР 1947—1948 гг. Архив Ин-та этнографии АН СССР, ед. хр. 43.

³ См., например, высказывание фронтовика В. С. Родионова (из письма от 27 февраля 1947 г., стр. 400 рецензируемого издания).

определенную общественную функцию, и предстояло выяснить исследователю. Вот почему особый интерес представляют те из приведенных автором пословиц и поговорок, которые зафиксированы в контексте речи или же снабжены указанием, при каких обстоятельствах они возникли или бытовали (см., например, стр. 248, 249).

Что касается раздела загадок, то на основе показаний двух — трех свидетелей вряд ли можно судить, при каких обстоятельствах и насколько широко загадки в их изустной форме бытовали среди фронтовиков. Не была ли загадка чисто литературным явлением? Неслучайно, что все приведенные автором загадки (кстати сказать, довольно удачные) взяты им из фронтовой печати.

Раздел, посвященный условному военному языку, прозвищам и вообще словотворчеству фронтовиков, исключительно интересен. Это уже «беспорный фольклор» в его самом традиционном понимании. В таком изобилии и полноте он собран впервые, и в этом особая заслуга фольклористов-фронтовиков⁴.

Менее удачна глава о бытовании фольклора Великой Отечественной войны (гл. VIII, автор Б. П. Кирдан). Материал ее дробен и недостаточно четко организован. Мне представляется, что более правильно было бы начать с характеристики условий бытования фольклора в различной среде (фронтовой, партизанской, на оккупированной немцами территории, в тылу), а затем уже перейти к источникам формирования репертуаров отдельных коллективов, их взаимодействию и взаимопроникновению.

Особого внимания заслуживает обобщающая, IX глава (автор В. Е. Гусев), посвященная вопросу идейно-эстетических особенностей фольклора Великой Отечественной войны. Она интересна по выдвинутым проблемам и многим важным наблюдениям над природой фольклора военных лет, в котором особенно четко определились закономерности развития современного народного поэтического творчества. Правильно поставлены вопросы о соотношении фольклорных жанров в годы войны, о наибольшей популярности и продуктивности отдельных жанров, о закономерностях их развития, в частности о сближении народного поэтического творчества в идейно-тематическом и стилевом отношении с профессиональным искусством, особенно в области создания массовой песни. Затронуты и вопросы о своеобразии исторического фольклора военных лет, а также о том месте, какое он занимает в истории русского фольклора, в частности о его отношении к фольклору гражданской войны. Укажу лишь, что по последним двум вопросам автор несколько упрощает точку зрения предшествующей научной литературы, не ссылаясь при этом на конкретные работы (стр. 248, 302, 303).

Интересны сделанные В. Е. Гусевым сопоставления русского фольклора и фольклора других славянских народов, боровшихся против фашизма.

Таково содержание основных глав. Мне представляется, что в книге, столь разносторонне освещающей фольклор Великой Отечественной войны, следовало бы более подробно охарактеризовать роль массовой советской песни и деятельность в дни войны профессиональных поэтов и композиторов. Отдельные замечания об этом разбросаны по главам, в «Приложениях» помещена интересная публикация И. Н. Розанова «Песни о Катюше как новый тип народного творчества» (стр. 310—324). Думаю, однако, что тема эта требует специального и более детального рассмотрения.

Очень хороши «Приложения», особенно воспоминания фольклористов-фронтовиков Н. В. Новикова, Л. Н. Пушкарева, а также полевой дневник участницы Брянской экспедиции 1945 г. Н. Бялосинской. Они написаны людьми, хорошо понимающими фольклорный процесс, а потому сделанные ими наблюдения многое уясняют в природе фольклора военных лет, очень хорошо воссоздают обстановку и зачастую совершенно новые формы его бытования. Воспоминания эти читаются с живейшим интересом; более того, они глубоко волнуют и трогают, настолько сообщаемый ими поэтический материал тесно переплетен с человеческими судьбами.

Интересно сообщение С. И. Минц об устных рассказах, записанных ею в Малоярославце в 1943 г. Собирательница не ограничилась передачей содержания рассказов; она дала представление и о рассказчике, его манере повествования и художественных особенностях самого рассказа. В совокупности все это проливает свет на устный сказ мемуарного типа как на своеобразный поэтический жанр. Некоторые приведенные С. И. Минц сюжеты очень остры и впечатляющи (например, рассказ о старухе на пепелище возле уцелевшей печи (стр. 385, 386), о первой встрече с немцами (стр. 385)).

Весьма ценны также описания архивов и материалы к библиографии. Все это придает фундаментальность изданию и, несомненно, обеспечит длительный интерес к нему исследователей современного фольклора. Следует пожалеть, что тираж книги крайне мал (всего 2000 экземпляров).

Исследование, столь широко и разносторонне осветившее фольклор Великой Отечественной войны, его идейное содержание, его важную общественную функцию в годы всенародного подвига во имя свободы и независимости Родины, безусловно встретит самый живой отклик и со стороны массового советского читателя.

В. Крупянская

⁴ См. сообщение Н. В. Новикова, стр. 349—357.